

В добрый час!

Мучения герцога Рейхштадтского

Взг. Москва. - 1994. - 3 нбр. - 64

Помню, как я протянул незнакомому мне молодому актеру Сергею Казакову томик Ростана и предложил с ходу, «с листа» прочесть сцену герцога Рейхштадтского с дедом, императором Францем-Иосифом. Бросая ему ворчливые реплики старого императора, я отмечал про себя: хороший голос, дикция, способность к динамике диалога, чувство ритма...

Но этого еще мало, чтобы получить главную роль в забытой, но такой увлекательной пьесе Ростана! Я убежден, что романтические роли, несущие волнение и трепет возвышенных чувств, должны быть обеспечены «золотым запасом» каких-то личных душевных качеств актера. В одном интервью с Юрием Башметом меня поразили его слова: «Сейчас для меня понятия человеческая порядочность и уровень профессионализма меняются местами. И если, не дай Бог, что-либо возникнет, сразу, не задумываясь, я гадкого человека, будь он отличный музыкант, выгоню, а честного, благородного, пусть в профессиональном смысле немного уступающего, оставляю. Лучше я его научу играть! Порядочность — превыше всего».



Франц — С. Казаков.

В еще большей степени это относится к драматическому актеру, ведь его «инструмент» — душа и с ним надо обращаться очень бережно. Если в скрипку наливать подсолнечное масло или сивуху, колотить ею по башкам окружающих, она перестанет издавать чарующие звуки.

В Казакове почудилась эта порядочность, застенчивость, чистота, доброе отношение к людям. Как будто бы его не коснулась скверна наглой самовлюбленности, пошлой актерской самоуверенности. Так показалось, и он получил Роль.

Какую Роль! Ее играли легендарная Сара Бернар, эксцентричная Лидия Яворская, прекрасная Елена Гоголева, пылкий Василий Лихачев, изысканный, легкий Виктор Петица. Прославленные гастролеры, кумиры, любимцы публики!

В ходе репетиций Казаков не разочаровал в своих человеческих качествах, но стал бесить меня недостатком техники — ему надо было выработать хрупкое достоинство повадки, изящество манер, то, что является признаком породы, блестящего воспитания, наличия хороших гувернеров. Нужно было приобретать большое дыхание, сохранять единую серебряную нить, кантилену стихотворных монологов, воспитывать остроту мгновенных реакций, а главное — жить в постоянном, неслабеющем напряжении, до предела натянуть все душевные струны, ощущать, что герцог все время летит как стрела к заветной цели, к свободе, к величию, что голова его пылает от бессонных ночей, когда он неутомимо, не смыкая глаз, штудировал деяния отца, изучает все, что необходимо для продолжения дела Наполеона.

Театральная школа не дает, не может дать столь изощренной техники, которая необходима для такой роли.

Не скрою, я часто приходил в ярость от неумений молодого актера, обрушивался на него с обвинениями в недостаточной работоспособности (несправедливо!), требовал все новых усилий и преодолений (совершенно справедливо!). Бесконечные часы репетиций были изнурительны; жестоко изруганный Казаков молча смотрел на меня умоляющими глазами, партнеры за кулисами гладили его по голове и старались ободрить. А мне все казалось, что пролито еще мало крови, и незримый бич то и дело свистел в воздухе. Я понимал всю меру своей жестокости, деспотизма, но... что же делать, такая роль! Хочешь играть ее — терпи! Лавровый венок надевают на голову, сначала израненную терновым.

Казаков сыграл уже много спектаклей и постепенно осуществил почти все, о чем говорилось выше. А совсем недавно наконец сыграл и последнюю сцену смерти, которая никак ему не давалась. Вместо сентиментальной меланхоличности в ней наконец-то появилась лихорадочная, предсмертная пытливость, жадное любопытство к постижению своей судьбы и горькая ирония по отношению к самому себе, насмешливый вывод, гротесковый итог — «история не вспомнит обо мне...».

Казаков сыграл «Орленка».

Один молодой актер другого театра сказал мне: «Счастливым Казаков, дебютировать в такой роли — редко кому выпадает подобное счастье». Я промолчал, но подумал — может быть, даже наверное, это — счастье, но за него приходится дорого платить. Для того, чтобы достойно сыграть герцога Рейхштадтского, надо потерять сон и покой, дойти до полного отчаяния, сносить все режиссерские «истязания», смирить израненное актерское самолюбие, стиснув зубы, выслушивать самые резкие замечания, выработать выдержку и мужество воздушного акробата или канатоходца.

Читая статьи П.А. Маркова, я заметил, что замечательный критик иногда употребляет по отношению к той или иной актерской работе слово «преодолеет». Такой-то актер преодолел материал такой-то роли. Или не преодолел. Даже по отношению к гениальному Михаилу Чехову он пишет: «Чехов еще не преодолел окончательно своего Аблеухова». А в другой статье о великом актере он говорит о том, что Чехов «умеет преодолевать все трудности литературного и сценического материала». Овладесть той или иной ролью — значит преодолеть все трудности стиля автора и сценической формы спектакля. Чем сложнее роль, тем сильнее должна быть воля к этому преодолению. Выработка, воспитание этой воли — необходимая задача для актера. Со всей остротой стоит она и перед Казаковым.

Недавно в нашем Новом театре состоялась премьера «Эдуарда II» К. Марло, где Казаков снова выступает в главной роли. Снова огромная, труднейшая роль, где нужно передать сначала капризную властность юного короля, а потом его очищение и смирение, обретенные в горниле страданий и унижений. Снова огромные монологи, стихи, предельно напряженные ритмы. Снова репетиции, где с него сдирается семь шкур, снова град замечаний, требований, снова марафонский бег к заветной цели, без остановки, без передышки, когда можно успеть только смахнуть пот со лба.

И опять к режиссерскому столу, где я сижу с молодым постановщиком Олегом Рыбкиным, подходит актриса и жалобно просит: «Не ругайте так Казакова...». Но я «ругаю», ибо верю, что он доведет до нужной кондиции и эту роль. Мне самому бывает жалко Сергея, но что поделаешь — такие Роли!..

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН,
художественный руководитель Нового театра.

Фото Г. КАЧУРИНА.